

Софья Радзиевская

ОСТРОВ МУЖЕСТВА

Художник Николай Фомин

Paulsen
2024

УДК 910.4
ББК 84(2=411.2)6
Р15

Текст публикуется по изданию:

С. Радзиевская. Повести и рассказы. — Казань : Татарское книжное издательство, 1981. — 348 с.

Художник Николай Фомин

Для младшего и среднего школьного возраста (6+)

Радзиевская, Софья.

Р15 Остров мужества / Софья Радзиевская ; худ. Николай Фомин. — Москва : Паулсен, 2024. — 128 с.

ISBN 978-5-98797-388-2

Советская писательница Софья Радзиевская не только рассказала полную приключений историю выживания людей на острове посреди Ледовитого океана в середине XVIII века, но и передала колорит того времени. Текст книги наполнен словами и оборотами речи, которые уже не употребляет наш современник, но они как нельзя лучше погружают в историческую атмосферу. Голод и арктическая стужа, долгая полярная ночь и одиночество — эти тяжёлые испытания наравне со взрослыми мужественно переносил и мальчик Ванюша. Достоверное описание суровой реальности, неожиданные сюжетные повороты, драматизм событий, размышления юного героя и его душевные переживания — всё это ставит книгу «Остров мужества» в ряд лучших произведений для детей.

ISBN 978-5-98797-388-2

© Радзиевская С. Б., наследники, 2024
© ООО «Паулсен», 2024

Содержание

Введение.....	5
Глава 1. Вперегонки со смертью.....	6
Глава 2. Медведь пропустил ужин и пришёл за завтраком	8
Глава 3. С каким припасом зимовать будем?.....	13
Глава 4. Бой великанов.....	30
Глава 5. Занесены снегом	38
Глава 6. Как лахтак полынью проспал.....	45
Глава 7. В берлоге	54
Глава 8. В сильных руках и рогатина защитит не хуже пиццали.....	60
Глава 9. Ночная охота.....	67
Глава 10. Солнце! Солнце!.....	71
Глава 11. На промысел	74
Глава 12. Дождётся ли?.....	82
Глава 13. Дождался!	87
Глава 14. Настоящий ты грумманлан, Ванюшка!	93
Глава 15. Смерть Фёдора.....	99
Глава 16. Встреча с нерпой.....	107
Глава 17. Косатка!.....	114
Глава последняя. Карбас!	119
Послесловие.....	123

Введение

Смелые русские промысленники — поморы с севера русской земли, уже несколько сотен лет назад, не боясь опасностей, уходили в море ловить рыбу, бить тюленей, моржей. Иногда добирались они и до дикого заполярного острова Шпицбергена (поморы называли его Грумант). Там в то время водились во множестве моржи и тюлени. Поморы уходили на больших лодках — карбасах, с вёслами и парусом из оленьей кожи. Трудна и опасна была их жизнь.

В 1797 году, около 200 лет назад, вышел в море на охоту за морским зверем такой карбас. Кормчим на нём был опытный моряк Алексей Химков. Взял он с собой, в первый раз, сына-подростка Ванюшку. Случилось так, что их карбас захватила осенняя поздняя буря и занесла к самому Шпицбергену. Шесть долгих лет они прожили на острове и вернулись домой. Об их трудной жизни, опасных и удивительных приключениях рассказано в этой повести.

Вперегонки со смертью

Не понять было, где кончается край земли и начинается море: лёд у берега и берег — всё было покрыто снегом. Мутное небо казалось чуть темнее белой земли, на нём еле видно солнце — беловатый без блеска кружок. Недалеко от берега, под навесом скалы, стоит маленькая, тоже засыпанная снегом избушка. На бревенчатой крыше тяжёлые камни, чтобы не унесло её бурей. Дверь низкая, не нагнувшись — не войдёшь, но снегу около неё было мало: скала с этой стороны хорошо защищала избушку от ветра.

Около избушки вдруг что-то шевельнулось — белое, большое. Блеснули две чёрные точки — глаза, между ними третья — нос: они только и заметны на белой узкой голове.

Медведь шёл уверенно, видно, не первый раз обходил избушку, хоть жилым духом от неё не пахло, кто знает, куда делись её строители, не лежат ли здесь, в мёрзлой холодной земле?

Медведь встал на задние лапы, головой достал до крыши. Опустился, лапой скребнул оконце без стекла, маленькое, изнутри задвинутое доской. Затем провёл лапой, точно почесал, у себя за ухом и вдруг... живо повернулся к морю, да так и застыл. Там, в мутной дали, двигались люди. Их было четверо; они шли, прыгая с одной льдины на другую. Идти было опасно: легко соскользнуть в воду, а льдины качнутся, соединятся, и не станет ни разводья, ни человека. Но люди шли смело, держась за верёвку, которой накрепко связались друг с другом. Если один поскользнётся, провалится — другие его за верёвку вытянут. Так бежали они всё ближе к берегу. Знали: если дойдут — спасутся!

Медведю не видно было, что дальше от берега, куда не хватает его чутья и слуха, между льдинами стояло судно — карбас, такой маленький в ледяной пустыне. Зима захватила его в пути, льды затёрли, домой в Архангельск ему не добраться. Не знал медведь, что эти четверо решились пойти на разведку: если цела на берегу старинная избушка — все люди с карбаса в неё переберутся зимовать. Карбас сейчас в большой опасности, давят, режут ему бока острые льдины. И надо торопиться. Медведь людей ещё в жизни не видел. Сытый на них и не подумал бы охотиться: с него довольно морского зверя. Но вот он переступил с ноги на ногу и стало видно: хромает. Неизвестно, где и как повредил переднюю ногу. Хромому морской зверь — трудная добыча. Голод томил его, бока впали, живот поджат: такому всё живое годится, лишь бы добраться, зацепить острыми чёрными когтями на здоровой лапе. Может быть, эти незнакомые — лёгкая добыча?

Медведь тихо прорычал и притаился за высоким камнем, покрытым снегом, белым — под цвет его шкуры. Ждал. Он понимал: люди, если доберутся до берега, обязательно пройдут мимо этого камня. Медведь ещё раз высунулся, нервно зевнул во всю пасть и опять затаился. Ждать он умел.

Люди подходили всё ближе к твёрдому льду у самого берега. Но ветер вдруг рванулся с моря на землю, и тут же страшный грохот заглушил его свист. Весь лёд пришёл в движение: разводья сомкнулись, поднялась белая ледяная стена и с грохотом двинулась к берегу. Льдины, точно живые, карабкались друг на друга, боролись, падали. Люди, не глядя под ноги, бежали к берегу изо всех сил, снег слепил глаза, а белая стена всё росла и неслась за ними по пятам, забирая все встречные льдины... Вот-вот догонит и обрушится...

Может быть, люди кричали, но слышать друг друга не могли. Однако в отчаянном беге они не бросили верёвки, за которую держались, и потому не потеряли друг друга. Вместе они выбрались на плотный лёд и, задышавшись, добежали до берега, вскарабкались на него. А ледяная стена, немного их не догнав, оставилась, наклонилась и рухнула.

Всё исчезло в непроглядном вихре. Держась окоченевшими руками за верёвку, спотыкаясь, люди один за другим шли мимо камня, за которым ожидал их медведь. Он мог бы лапой достать до каждого. Но ярость бури испугала даже зверя. Пятясь, он втиснул грузное тело в расщелину между глыбами камня, лапой прикрыл чёрный нос и прижмурил глаза. А люди шли всё дальше и вдруг остановились поражённые: вой бури смолк так же внезапно, как начался. Крутящийся снег опустился, лёг на землю, и в полутьме явилось перед ними то, на что они надеялись: маленькая, засыпанная снегом, избушка. Это была удивительная случайность, почти чудо: они в слепом беге вышли на берег именно в этом месте и не прошли мимо избушки, полускрытой скалой. Но люди слишком измучились, чтобы удивляться.

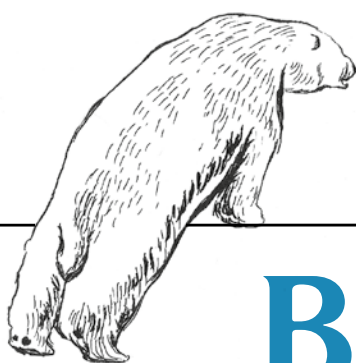
— Дошли! — сказал передний, точно это так и должно было случиться. Остальные молчали: на слова не хватало сил.

Ещё несколько спотыкающихся шагов — и тяжёлый деревянный засов на двери отодвинулся от слабого нажима руки, словно его двигали каждый день. Вторую дверь, из сеней в избушку, открыли в темноте на ощупь. Сделав три шага, наткнулись на нары, повалились на них, да так и остались лежать.

Кто из людей перед этим догадался захлопнуть дверь в сени, задвинуть тяжёлый засов и этим спас всем жизнь — этого потом они так и не могли вспомнить.

Медведь пропустил ужин и пришёл за завтраком

В темноте избушки было не разобрать, начался ли день. Но холод, всю ночь пробирающийся в усталые тела, наконец сделался сильнее усталости и разбудил людей. Раздался вздох, сдержанный стон... Нелегко просыпаться в заледенелой одежде, в мокрых сапогах, когда всё тело жалуется, просит тепла.

— Оконце-то есть ли? — проговорил кто-то, и слышно было, как, нащупывая, провёл рукой по стене. — Есть, нашёл!

Доска зашуршала отодвигаясь, в избушке посветлело, но стало ещё холоднее: стекла в окне не было, и морозный воздух волной прокатился по полу.

— Собираться надо. Наши на карбасе заждались, — сказал, видимо, старший, низким сильным голосом. Поднимаясь с нар, он выпрямился и почти достал головой до крыши: потолка у избушки не было.

Это был кормщик с карбаса. Его плечи по ширине казались под стать росту, полушубок выглядел не так велик, а кому другому стоило бы на целую шубу.

— Поднимайтесь, ребята, — повторил он негромко. Но было видно, кормщик привык, чтобы слушались его скоро. — Ванюшка-то, стало быть, вовсе замёрз, — договорил он мягче.

— Мало-мало замёрз, тятя, — отозвался детский голос.

Мальчик лет десяти проворно соскочил с нар. Лицо его было обморожено, кожа стянулась и потемнела, как и у взрослых, но большие глаза смотрели ещё по-детски доверчиво, а обветренные губы вот-вот готовы были улыбнуться. Он посмотрел на отца и, правда, чуть не улыбнулся, да вовремя сдержался: не такой обычай у поморов — отец — старшой, не ровня мальчишке, с ним шутки шутить не положено.

— Замёрз, тятя, — повторил он уже степенно, как полагается. — Руки вот в рукавицах позастыли, в них и ночевал. Помахаю, живо разогреюсь.

Проворно скинув рукавицы, он дунул на пальцы и широко взмахнул руками.

— Вот и добро, — отозвался отец, наблюдая за ним с видимым удовольствием. — Не та спина у груманланов, чтоб бояться океанов, верно я говорю? — пошутил он, вспомнив старую поморскую поговорку.

— Верно, — откликнулся мальчик и просиял в улыбке, видно, только и ждал отца одобрения. — А ну, глянь, я ещё и не так могу...

На этот раз руки его размахнулись так широко, что сбили шапку с головы медленно поднимавшегося с нар человека. Тот сердито крикнул, одной рукой

подхватил шапку, другой так толкнул мальчика, что тот пошатнулся, едва удержался за стенку.

— Ой! — охнул он и схватился за грудь.

А человек, усевшись на краешек нар, глубоко нахлобучил шапку на голову и остался сидеть, уставившись сердитыми маленькими глазками на какую-то точку в полу.

— Размахался, словно с радости, — проворчал он раздражённо, — нашёл чему радоваться. Ступай на волю, да там и выламывайся.

— Я не понарошку, дядя Фёдор, не сердчай, — смущённо отозвался мальчик. Но на волю выходить не собирался. Тихонько потирая застывшие пальцы, он теперь не сводил глаз с кудрявого высокого парня, чуть пониже самого кормщика. Едва поднявшись с нар, тот живо схватил лежавшее рядом ружьё, любовно, точно за ночь о нём соскучился, погладил длинный ствол, из-за пазухи вытащил маленький кожаный мешочек.

— Руки завязки не держат, шибко замёрзли, — пожаловался он, — а ну спробую. Ванюшка, ступай на подмогу, ремешок затянулся, развяжи.

— Я сейчас, Стёпа, — заторопился мальчик. — А ты на пальцы подуй, подуй, вот как я.

Он старательно захлопотал около мешочка, по-ребячьи обрадовался, когда удалось развязать затянувшийся ремешок.

— Держи кремень-то, — торопил он. — А кремень — гляди, от пазухи ещё тёплый, ставь, покуда не застыл.

— И вправду, помощник, — усмехнулся Степан. — Гляди, сейчас пороху на полку подсыплем сухого, а вот и...

Он взвёл курок тяжёлой пищали, вынул из раструба курка кремень, вставил другой, что из мешочка достал.

— На что балуешься, Степан, — проговорил старший укоризненно, — порох без расчёту тратишь. Не на промысел ведь идём.

— Стотовиться надо, — весело отозвался Степан, старательно зажимая кремень винтом. — Земля чужая, неведомо кто нас с порога приветит. Тогда не время будет порох на полку подсыпать. Я...

Но тут в сенях послышался странный звук, словно кто-то с силой рванул дверь, стараясь её открыть. Ещё раз! Все насторожённо прислушались.

— Ванюшка, — тихо сказал отец. — Ну-козь отвори. Степан, и вправду, стотовься!

Ванюшка проворно шагнул к двери, отодвинул тяжёлый засов, но тут же пулей отлетел в сторону. Дверь распахнулась, отбросила его и ударилась о стенку со страшной силой, а в просвете, целиком его заслоняя, стала огромная белая туша. Медведь! Вчерашняя вечерняя буря утихла, но медведь из-за неё упустил ужин. Теперь он пришёл за завтраком.

Казалось, его удивило количество людей в избушке. Маленькие чёрные глазки забегали с одного на другого, как будто затрудняясь — с которого начинать. Неожиданно медведь широко открыл пасть и протяжно зевнул, точно с издёвкой. Ванюшке на всю жизнь запомнилось: один клык огромный, жёлтый, а другой сломан, под самый корень. Минутная задержка, но люди успели прийти в себя. Кормщик медленно, осторожно завёл руку за спину, потянул лежавший на нарах топор.

— Степан, — тихо проговорил он, — в глаз цель, а я по заливку...

Медведю не понравился человеческий голос: он глухо прорычал и пригнулся, задние ноги подобрал под себя, готовясь к прыжку. Выстрел в избушке оглушил всех, в то же мгновение топор мелькнул в воздухе и глубоко врубился в мохнатый затылок. Медведь попытался подняться на дыбы, но осел и повалился на бок, загородив огромным своим телом выход из избы. Когти страшных лап, вытянутых в последней судороге, почти дотронулись до людей, сбившихся в тесную кучу у самых нар. Так стояли они долго, наконец, кормщик шагнул, с трудом вытянул топор, плотно засевший в разрубленной шее.

— По чью-то душу приходил, — вымолвил он. Всегда спокойный его голос слегка дрогнул, на минуту он прикрыл глаза рукой, отнял её и сказал уже так, будто ничего особенного и не случилось. — А ну, помогай тащить, ребята, а то к двери проходу не стало.

Но и всем вместе едва удалось сдвинуть к стене огромную тушу и освободить проход к сеним. Ванюшка нерешительно протянул руку, посмотрел на свои пальцы и на кривые страшные когти, убрал руку, вздохнул.

— Померялся? — спросил Степан. — Сколь тебе ещё расти, покуда у тебя когти на руках вырастут с этими вровень? Струхнул, чай, здорово?

Он говорил весело, с шуткой, но дышал неровно. И было с чего. Степан молод годами, а охотник бывалый, но медведя в избе и ему бить не доводилось.

— Аж сердце зашло, — искренне ответил мальчик и тут же повернулся, посмотрел на отца — ладно ли сказал. Но тот спокойно кивнул головой.

— У каждого, небось, сердце зашло, — сказал он. — А своё, что требовалось, сполнили.

Степан покраснел от радости, понял: кормщик на похвалу скуп, и от того похвала его была вдвое дороже. Фёдор ничего не сказал, только угрюмо покоился в его сторону.

— Поспешать надо, наши заждались, — поторопил кормщик.

С невольной оглядкой они прошли мимо неподвижной туши в сени и дальше. Выйдя из избушки, Степан старательно задвинул тяжёлый засов.

— Неравно без нас другой пожалует, — побежал он вдогонку за товарищами, но вдруг вскрикнул так, что все остановились: — Чего следы говорят-то: тут он, за камнем, у самой избы лежал, как мы ночью мимо шли. И как никого не ухватил!

— Буря помешала, — отозвался кормщик и снова двинулся по тропинке. — Залегают он в бурю. А то бы мы кого не досчитались.

— Видать, и буря на пользу бывает, — рассудил Степан. — А вот наши...

Но тут он остановился и замолчал. Остановились и остальные: они дошли уже до самого берега. Ночная буря, переменяв направление ветра, отогнала от земли плавучие льды. Угрюмое и пустое лежало перед ними море, карбас с товарищами бесследно исчез.

Ванюшка уронил рукавицу, да так и стоял, забыв поднять её.

— Тять, это что же? — спросил он дрожащим голосом. — Тять, а наши куда подевались?

Кормщик долго молча смотрел, прикрывал глаза ладонью, но на всей поверхности моря, свинцовой и холодной, видны были лишь отдельные редкие ледяные глыбы.

— Может, буря им, и правда, на пользу была — до дома доберутся, — медленно проговорил он. — А может, и погибель в ней нашли. Только нам, стало быть, теперь одним зимовать доведётся.

Долго стояли они на берегу, теплилась надежда: вот завидится на горизонте ровдужный* парус, приплывёт карбас с товарищами. Но волны катились угрюмые и пустые, точно ничего вчера не было: ни карбаса, ни бури, ни ледяной стены, что догоняла их, как живая, а теперь рассыпалась на берегу ледяными грудками и лежит спокойно, словно век так лежала.

— Ждать не приходится, — заговорил наконец Фёдор. — День короткий, дров припасти надо засветло. Солнышко — вот оно, к покою добирается...

Дерева всякого на берегу валялось много — нанесло его течениями от других далёких, лесных берегов. Оставалось натаскать побольше к избушке да в сени, чтобы на двор зря не идти, не студить избы и не попасть в лапы медведю: может, ещё завернёт какой на дымок к избушке.

— И впрямь, домой поспешать надо, — согласился кормщик.

«Домой» выговорилось так просто, что всем показалось так и надо. Где же им и дом теперь, как не в этой избушке?.. Вся их надежда тут.

Ванюшка хлопотал не меньше других, таскал к избушке тяжёлые, еле под силу, куски дерева. Отворачиваясь тихонько вытирал непослушные слёзы: щёки от них мёрзнут, а уж если Стёпка-пересмешник увидит — проходу не даст. «Просился, скажет, в зуйки**, а самому дома бы на печке сидеть».

Но слёзы не слушались, бежали и бежали. Ещё бы: на карбасе пропал другой зук, сердечный друг Микитка. С ним и зимовать бы весело. А тут — всё большие мужики остались...

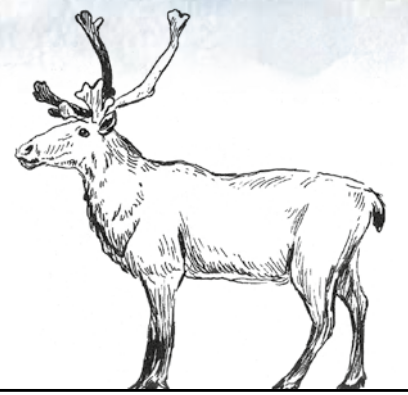
Работали усердно, не жалея рук. Но то и дело кто-нибудь выбежит на берег, постоит, прикрыв глаза рукой, каждую точку на море просмотрит и, опустив голову, возвратится к избушке. Зачем ходил — никто не спрашивал. Всем и так было понятно.

* Выделанный из оленьей кожи — ровдуги.

** Мальчик, которого берут в плаванье, чтобы приучить к морскому делу.

С каким припасом зимовать будем?

Горе пуще всего крушит человека при безделье. А зимовщикам бездельничать было некогда: заботы торопили от одного дела к другому. Алексей, кормщик, это понимал, потому зорко следил, чтобы времени на горе днём меньше оставалось, а ночью сон поможет — от думы избавит. Работа шла ходко: шкуру с медведя сняли, мясо вынесли в сени, плавник, что с берега натаскали, сложили ровно у стенки. Далеко не ходить и от ветра защита.

— Без запаса нельзя, — приговаривал кормщик, — погода навернётся такая, что не только к морю, а из избы носа не высунешь.

Последний раз они со Степаном пошли к морю вдвоём. Ванюшке отец наказал при Фёдоре на хозяйстве оставаться, печку топить, обед готовить. Ванюшка загоревал, но спорить не посмел.

Фёдору по душе было дома оставаться, хоть в дыму, да в тепле. Однако по привычке, как всегда, нахмурился, пока брови на переносице не сошлись.

Ванюшка так и подумал, глядя на Фёдора: «Куда он ещё брови сдвинуть словится?»

— Тебе что? Работы нет? — заворчал Фёдор. — Видишь, пока дрова прогорят, дым выйдет, дверь закрывать нельзя. Ты у порога стань, да гляди зорче, как мясо жарить стану — не дай бог ошкуй* набежит, мясной дух учует. Примишь — живо дверь на засов закрывай. Отсидимся, покуда Стёпа с пицалью на выручку поспеет.

У Ванюшки от таких слов сердце заколотилось, но и тут он ослушаться не посмел: стал у двери, рукой за засов держится, а голову то направо, то налево повернёт, аж шея заныла и глаза заломило.

— Ошкуй что кошка, тишком подобрётся, — крикнул Фёдор из избы напоследок.

Хоть бы не говорил! Ещё страшнее стало. Вспомнил, как Степан рассказывал: «Ползёт ошкуй, чёрный нос лапой прикрывает, сам белый и снег белый — как его углядишь?»

И обрадовался же Ванюшка, когда отец со Степаном на тропе показались. Тут только почувствовал: замёрз здорово, ног не чует.

— Нароботались мы, Стёпа, — сказал Алексей. — На сегодня будет.

* Белый медведь.